

Асель

Омар

ОДНАЖДЫ В АНАТОЛИИ

* * *

Кровью ли, солью ли густо напоен,
Солнцем, дамасской бесстрастной сталью,
Ветер над теплым и ласковым морем,
Воздух, что хрупок, прозрачен, хрустален?

Море горит хрустальными и зноем,
Светлой лазурью качая приливы,
Сколько ахейцев, ведомых войною,
Этой лазурью навеки накрыло?

В окна плывут корабли, и сквозь штору
Тени их легче и мягче бумаги.
Лягут компьютерным шрифтом, которым
Книги и гимны поют об отваге.

Море срединное, земли обильны,
Белым оно по-турецки зовется.
Сколько ахейцев, и греков, и римлян,
Следуя зову, хватались за весла?

Свитком пергаментным ночь укрывала,
В свете луны серебрились оливы.
Смысл сжимался до самого края
Неба и суши. Так сколько их, Клио?

Тени плывут, грохот моря вступает
В раму окна, синь соснового леса,
В праве своем без конца и без края
Гнев, о, богиня, воспой Ахиллеса.

Бронзовым светом зрачки наполнялись.
Здесь, в Анатолии, волосы выются.

Помнит о солнце и море в деталях
Галька морская в фарфоровом блюде.

Грохот волны, и оливы, и берег
Смоют труху с наболевшего сердца.
В домике нашем распахнуты двери,
Бросим же весла, пора отогреться.

* * *

Дождь моросит по сердцу и вовне.
Белеет парус в море одинокий,
Суровый ветер в плавающем дне
Волнами пишет пенистые строки:

«Не плачь, помедли, все приходит в срок,
Корабль выбирает осторожно
По свету звезд из тысячи дорог
Свой путь морской, единственно возможный».

И ветер вдруг обнимется с окном,
Впуская легкий пар земли и влагу,
И все запутанное будет решено,
И легким вздохом ляжет на бумагу.

Туман рассеется. Все прожито не зря.
Калош английских верная защита,
Мой желтый зонтик, спутник ноября.
Все прощено. Любимо. Не забыто.

* * *

Шла осень по анатолийским плитам,
В созвучье хрупком мрамора и неба,
В закатном золоте, всегда и всюду слитом
С молчанием. И было тихо. Мне бы
Увидеть дождь на линиях ладони.

Он лил отчаянно, сгонял густые тучи,
Но, как и ветер, был он невиновен.
Он шел во мне, он был слезам созвучен,
Сгонял тоску. Ах, знать бы мне, откуда
Она берется? И печальных строчек,
Хоть жалуюсь, но вовсе не смываю.
А стриж небесный радостно стрекочет
И в опустевшем воздухе летает.
И взгляд поймает рыбаков и невод,
Тепло кофейни, обаянье грусти,
Чугунный столик, белизну тарелок,
Закат листвы. И больше не отпустит.

МЕЛАНХОЛИЯ МЕГАПОЛИСА

Безвременный рассвет, и утром бестелесным
Бежит в своих мыслях Садовое кольцо.
Плечом к плечу в метро. Угрюмо, долго, тесно.
В сиреневой толпе вдруг вспыхнуло лицо.

«Ну как ты?»

«Ничего. А ты как?»

«Все нормально».

Из ничего в ничто несет меня толпа
В метро, везущем страх и патину печали
На лицах и глазах. Печать на их устах.

Печать. Молчать. Стоять. Не преступить границы.
Застегнуты пальто, задушены слова.
Так хочется вскричать! Нахохленные птицы –
Уносит время их в тоннели-рукава.

Из ничего в ничто, из дома на работу,
Из времени времен в безвременье тоски,
Где птица загрустит, и в сердце вспыхнет что-то,
И что-то позовет, давящее виски.

И птица глянет ввысь, встряхнувшись в повороте,
Рассеянно вздохнет, оглянется назад,
Машину – на ручник, на пагубном излете
Гордиева узла московских эстакад.

И сдавит ночь виски в коробках муравьиных,
Сквозь перекрытый сон мельчайший бес проник.
Нежданным эс-эм-эс, иль клином журавлиным
Ворвется снова он – тот потаенный крик.

И детство подойдет на Тульской иль на Сходне.
Ведь это ты был там?
Признаюсь, то был я.
Но был ли я тогда?
И был ли я свободен?
Не знаю, замолчи.
Семья, дела, земля.

«Ну что же друг, бывай! И я пребуду тоже».
«Увидимся еще?»
«Не знаю. Не вздыхай».
Зима приходит в срок. Бежит мороз по коже.
Ночной тоской звенит нечаянный трамвай.

* * *

Осень. Изморозь. Близость распада.
Ожидание смерти в природе.
Пишут тихо листы винограда
Краткий очерк о прожитом годе.
Вот теперь, когда сонные выси
Наполняет живительный холод,
Здравствуй, радостный бог Дионисий,
Ты, как прежде, и весел, и молод!
И впустую прожитое время
Начинает саднить, может стать,
Время полного уединенья
Лучше прочих любых констатация.
Колизейский козел, дикий трагос,
Пьяный, наглый, небрит, не подкован,
И трагедий возвышенный пафос
Вырастает из очень простого.
Потому и в языческой пляске,
В листопадном моем карнавале
Трагедийные корни сквозь маски,
Сквозь века каждый год прорастали.
Это мой Новый год, междулетье,
Нынче полны плодами фазенды.
Надо встретить, дожждаться, успеть мне,
Когда римские грянут календы.

* * *

Нурлану Жармагамбетову

Потомок дорогих фамилий,
Ценитель слова и поэт,
Филологический Вергилий,
Отшельник, лирик, буквоед.

Сберечь всегда достанет силы
Для нашей сумрачной страны
Высокий стиль и воздух милый
Алма-атинской старины.

Немалых почестей дороже
Нам литеры тяжелый след,
И время задержаться может,
Когда прервет свой шаг офсет.

Но часто холодом изгнания
Немилосердно сердце жжет,

Когда вздыхает серой сталью
Под вечер тихий небосвод.

Вот чай в стакане остывает,
И вечер в комнате повис,
А он задумчиво листает
Свой незабвенный *ex libris*.

Где в смуте судеб и заглавий
Чернила золотом легли,
Бессмертный пишут комментарий
Там архивариуса дни.

ШАМАН

Я горстью земли рассыпаюсь в ладонях,
Я горький емшан, я полынь-лебеда.
Я знаньем великим владеть удостоен,
Прости меня, счастье мое, и беда.

И плоть моя – глина степей плодородных,
И кровь моя – песни далеких веков,
Глаза мои – звезды.
Я светом холодным
Пронзать времена и пространства готов.

И птиц, и зверей я изведаль наречье,
И шепот курганов, и каменных плит.
Как часто о суетной жизни сердечно
Балбал твердокаменный мне говорит.

Я призраков в мире туманном тревожу,
С богами беседовать мне суждено.
Но кровью плачу, и велик, и ничтожен,
Силен и бессилён в мгновенье одно.

И пусть я умру, но я вновь прорастаю
В земле и траве, предсказаньях и снах.
Я странник из света во тьму, и я знаю,
О чем говорит нам с небес аруах.

Я вестник, хранитель таинственных знаний,
Я слово Тенгри, и, обет свой храня,
Живу и не знаю страстей и желаний,
Я ветер,
Я отблеск степного огня!

АНДРЕЮ БИТОВУ

Иль Роберт Бернс предрек тебя Руси?
На фото – петербургский ангелочек –
Кудряшек свет и радость пухлых щечек.
У старого фотографа спроси,

Спроси у строгих северных широт,
У фотокамеры или часов в гостиной,
У воробьев, что в воздухе Неглинной
Под гром клаксонов срезали полет,

Покуда время свой томило бег,
Кариатиды молча наблюдали,
Смиренно зрели сумрачные дали,
Как добротой он наполнял свой век.

Вдруг время отступило в странный миг, –
О, если б знал ты, как же мне читалось! –
Снимая горечь, слезы и усталость,
Явился тайный времени двойник.

Я открываю книжку, я живу.
Уверенная буква «А» – автограф,
Покой и воля, вежливый фотограф,
Запечатлейте это наяву!

Запечатлейте силу и печаль
Истории, осмысленной свободно,
Достоинство, что свету однородно,
Небесный холод и морскую даль,

И свет обнимет нежно гладь Невы,
Как будто не было ни льда и ни метели,
Как будто буквы мирно облетели
Тогда с еще не начатой главы.

Тогда я жду, пространство сломит гром,
Со взглядом пристальным, на старой киноплёнке
Мудрец покажется. Из туч закатной кромки
Небесный дождь прольется за окном.

